

Виктория Колобова

На чужом несчастье
счастья не построишь

16+

Виктория Колобова

**На чужом несчастье
счастья не построишь**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Колобова В.

На чужом несчастье счастья не построишь / В. Колобова —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

В сборник вошли три детектива, главный герой которых частный детектив Н.Ф. Трубников. Способность полковника МВД Трубникова, создавшего детективное агентство в Ростове-на-Дону, держать удар, его аналитические способности и эрудиция привлекают к нему многих людей. К нему за помощью приходят бедные и богатые. Он разгадывает тайны самых сложных преступлений. Эта книга от начала и до конца придумана автором. Совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест случайны.

Содержание

На чужом несчастье счастья не построишь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

На чужом несчастье счастья не построишь

В кабинет частного детектива Н.Ф. Трубникова зашла его секретарь Лена:

– Только что пришел Василий Иванович Миронов – предприниматель. У него строительная фирма в Ростове. Он отказался заполнять анкету, ждет с нетерпением, когда вы его примите. Хотел пройти, игнорируя меня, но я не пропустила его. По-моему, он из тех, кто привык к немедленному подчинению.

– Если он не заполнил анкету, – удивился Николай Федорович, – то откуда ты узнала, что он строитель?

– Как раз вчера в Донских новостях по телевизору видела его. Он давал интервью. Его фирма завершила строительство больницы в Ростове, кажется, где-то на Орской улице.

– О чем он хочет говорить со мной?

– Он не снизошел до того, чтобы сообщить мне о цели визита. Но сказал, что заплатит 30 тысяч рублей, если вы согласитесь провести эту субботу на его катере.

– Объясни, пожалуйста, Миронову, что он ошибся. Ему надо не в сыскное агентство, а в фирму, занимающуюся организацией досуга. Там есть тамада, массовик-затейник и даже клоуны. Генералом на свадьбе быть не собираюсь.

– Нет, – Лена отступила на шаг перед сердитым взглядом Трубникова, – он сказал, что вы нужны ему в качестве детектива.

– Что ж, тогда пригласи этого строителя.

Лена вышла и сразу же вернулась с мужчиной, начинающим толстеть и лысеть. Он быстро подошел к столу, сел и уже тогда представился:

– Меня зовут Миронов Василий Иванович. Я строитель, хорошо разбираюсь в строительстве, но, увы, не в людях. А вы детектив. И если я не ошибаюсь, до того, как заняться частной практикой, возглавляли убойный отдел?

– Вы начитались детективов, – улыбнулся Трубников, – и вам всюду мерещатся мошенники, убийцы и грабители?

– Вот этого-то я и боюсь! Мерещится! Меня могут поднять на смех из-за моих подозрений. Сплетни и насмешки страшнее ударов ножа. Я хочу, чтобы вы в эту субботу прогулялись на моем катере в Старочеркасск и обратно. Можете взять с собой своего секретаря или несколько человек. Никто не должен знать, что я ваш клиент! В субботу в десять утра мы с женой и дочерью собираем друзей на набережной (возле речного вокзала). Соберется узкий круг близких друзей, моих коллег. Мы приедем в Старочеркасск, там пообедаем. Если будет теплая вода можно и поплавать, хотя сейчас еще май. Мою жену зовут Евгения, дочь – Люба, ей два года. Жена намного моложе меня. На 22 года. Но мы поженились по любви, я и сейчас люблю ее, надеюсь, что взаимно. Последние две недели она сама не своя. По утрам заплаканные глаза. Раздражение, нервозность. Она ничего мне не говорит. Это дело, о котором я прошу вас, очень необычное.

– Вполне с вами согласен, – кивнул Трубников и предложил Миронову сигареты. Они закурили. Миронов курил и молчал, словно собираясь с силами. Потом тряхнул остатками волос на голове и решительно сказал:

– Я готов заплатить вам 30 тысяч рублей за прогулку на катере в субботу. Я готов заплатить вам столько, сколько вы скажете, только помогите мне.

– То, что вы согласны заплатить, я уже понял, но не понял за что? Вы чего-то или кого-то боитесь?

– Я не боюсь никого и ничего! Но Евгения! Она явно кого-то боится! У нас близкие доверительные отношения. Но она что-то скрывает от меня. По-моему, речь идет о шантаже. Недавно она сняла с карты 50 тысяч рублей. Нет, я не против! Это же ее карта! Но зачем ей

такая сумма? До меня дошли слухи, что она у всех подряд просит денег в долг! Не подумайте обо мне или о моей Евгении плохо! Она замечательная женщина, прекрасная мать. У нас хорошая дружная семья. И я в состоянии сам защитить жену и дочь. Но она ничего не рассказывает мне. А я боюсь своими расспросами, напористостью причинить ей боль, спугнуть.

Я не понимаю, кого Евгения боится? Что происходит? На катере будет только узкий круг друзей. А в Старочеркасске на какое-то время все разбегутся по своим интересам. Я предполагаю, что там, в Старочеркасске, вы сможете выяснить то, что не дает мне покоя. А может быть, мне все и вправду померещилось? Я ни в чем не уверен! Ничего не понимаю, и это выводит меня из себя! Может быть, причина ее слез в обыкновенном физическом недомогании? А деньги она собирает, чтобы сделать мне подарок? У меня скоро день рождения. Я боюсь стать посмешищем в глазах друзей и коллег. Вы же профессионал! У вас свои методы работы. Полагаю, что вы можете всего лишь понаблюдать за Евгенией и понять то, чего не понимаю я. Хотя мне всегда казалось, что я понимаю жену.

– Евгения работает в вашей фирме?

– Да, сметчиком. Я не хотел, чтобы она работала. Она поступила в институт и работает на полставки. У Любаши няня. Евгения так захотела, я согласился. Говорит, что ей без работы скучно. Хочет учиться. Ей 21 год. Тут еще один нюанс! Я не хочу, чтобы все знали, что я обратился за помощью к детективу. Но как вы появитесь на катере? Какой повод? Ведь мы не знакомы с вами, как я объясню ваше появление? Приходите вместе с вашей Леной. Кажется, так зовут вашего секретаря? А я скажу, что пригласил Лену, дескать, соседка, а вы ее сопровождаете.

Трубников улыбнулся, откинулся на спинку кресла:

– Перечислите мне, пожалуйста, людей, приглашенных на прогулку.

– Мы часто отправляемся на уик-энд на острова всей компанией. Все вместе работаем, вместе отдыхаем. Я в этот раз сам предложил Старочеркасск. Надеюсь, что в Старочеркасске что-то прояснится с вашей помощью. На катере будут мой друг и заместитель Юра Гондарев, то есть Юрий Дмитриевич. Мы вместе работаем уже больше десяти лет. Я доверяю ему как себе. Зина – бухгалтер. Яковенко Зинаида Николаевна, ее муж Олег. Лида со своим женихом Эдиком. Лида работает с прессой. Она студентка филфака РГУ. Сама тоже пишет, у нее хорошо получается. Людей не так уж и много.

– К сожалению, среди них нет никого, кто был бы знаком мне. А надо ли мне на катер, если там только близкие друзья? Я присоединюсь к вам в Старочеркасске.

– Нет! Вы обязательно должны побывать на катере. Я хочу кое-что показать вам там. Как говорится, лучше один раз увидеть... Но как же я представлю вас?

– Гондарев или муж бухгалтера случайно не увлекаются рыбалкой?

– Юра заядлый рыбак.

– Если вы полностью доверяете ему, то введите его в курс дела. Пусть он представит меня как своего друга по рыбалке.

– Ввести его в курс дела? – Миронов задумчиво посмотрел на Трубникова.

– Не хотите? – спросил детектив.

– Не хочу. А охотой вы не увлекаетесь? Я охотник! Лицензия есть. Люблю охоту.

– Нет, я люблю рыбалку. Вам все же придется посвятить Гондарева в свои планы, чтобы он представил меня как своего друга по рыбалке. А еще лучше, чтобы он сегодня зашел ко мне. Припомним место, где встретились.

– Я пришлю его сегодня. Мне надо, чтобы вы побывали на катере, в Старочеркасске, чтобы никто не заподозрил, что я обратился за помощью к детективу.

– Может быть, вы преувеличиваете? У женщин семь пятниц на неделю. Утром плачет, днем смеется. Их логика нам не подвластна. Нет никакого шантажа. Разве в прошлом вашей жены есть черные пятна? Ей же 21 год!

– Я очень люблю свою жену! Надеюсь, что взаимно. Люблю дочь. Только Люба не моя дочь. Я принял ее из роддома, то есть встретил с цветами. Мы уже были женаты. Официально Люба моя дочь. Я не знал, что Евгения ждет ребенка, когда женился. Потом узнал. Евгения сама сказала. Ее прошлое...

Евгения – самая красивая женщина в мире. Увидите, согласитесь со мной. У нее прекрасные манеры, она хорошо воспитана, но она из неблагополучной семьи. Отца нет и не было. Мать пьет. И сейчас пьет на деньги, которые тайком от меня дает ей Евгения. Я знаю, что она содержит мать, она думает, что я не знаю. Пусть будет так, пусть содержит. Она же сама зарабатывает.

Нет, мне не померещилось, Евгения очень боится кого-то. Она ведь так и не сказала мне, кто отец Любы. Он мог материализоваться и шантажировать ее дочерью. Если бы я знал, кто он? И он ли это? Или я ошибаюсь? В любом случае ваша помощь мне необходима. Сейчас я плачу вам 30 тысяч рублей. Остальные расходы тоже оплачу полностью. Я не хочу, чтобы вы звонили мне, встречались со мной, чтобы никто не заподозрил, что я обратился к вам. Вас это удивляет? Евгения догадается первой. Она умна, несмотря на молодость, у нее интуиция. Если она догадается, что я пригласил вас из-за нее, она может не понять меня, затаить обиду, перестать доверять мне! Действуйте по своему усмотрению. Я доверяю вам и оплачу счет, который вы представите мне по окончании.

– Мне нельзя звонить вам, нельзя приходить к вам? Я не люблю работать вслепую. И вы что-то недоговариваете. Вы должны быть со мной предельно откровенны, если рассчитываете на мою помощь.

– Я все сказал, мне пора. Жду вас в субботу к десяти на набережной возле речного вокзала.

– Но как мне держать с вами связь?

– Я полностью вам доверяю. Если возникнут непредвиденные обстоятельства, то я оплачу.

– В каких пределах?

– Я не ограничиваю вас.

– Нет. Мне может понадобиться позвонить вам. Мне нужен ваш телефон.

Миронов нехотя вынул из кармана визитку и положил ее на стол Трубникова.

– Я очень прошу не звонить мне. Действуйте по своему усмотрению. Не забудьте, завтра в десять.

Он не ушел, а убежал. Осталось чувство недосказанности. Но именно это и заинтриговало, появился интерес к еще не начатому делу.

– Давненько я не был в Старочеркаске, – думал Трубников, – наверное, лет двадцать. Еще с Юлькой ездил. Как там мои внуки? Леша и Паша. Людмила позвонит, как обычно, вечером. Устает с ними. Лучше бы Юля нашла им няню. Неужели в Севастополе нет няни? Хотя няни бывают разные. С Людмилой проще. За детей душа не болит. Мне самому без жены хреново. Кажется, если бы она была сейчас рядом, то у меня не было бы проблем с Игорем. Она более чуткая, лучше меня понимает его. Игорь отчебучивает такое, что диву даюсь. На каникулах сидел дома и сутками слушал вальсы Шопена, «Вечернюю серенаду» Шуберта. Благо, Юлька свою фонотеку дома оставила. Уж не влюбился ли он? Скоро 14 лет. Лучше бы играл в футбол с мальчишками во дворе, чем слушал Шопена и Шуберта.

Не прошло и часа, как в детективном агентстве появился высокий и невероятно худой мужчина лет шестидесяти с густыми бровями и большим горбатым носом. Одет был по-летнему в белые брюки и голубую футболку, волосы коротко подстрижены, светло-русые. У него был очень живой взгляд. Однако во взгляде беспокойство. Трубников предложил ему закурить, он отказался:

– Спасибо, недавно бросил. Я Гондарев Юрий Дмитриевич, можно Юра. Ведь мы с вами должны разыграть старых друзей, не так ли?

– Все правильно, – ответил Трубников, – но почему вы бросили курить?

– По здоровью, с горлом проблемы. Я ростовчанин в десятом колене, а вы? Один, семьи нет.

– Я тоже ростовчанин. Мою жену зовут Людмила. Дочь Юля с мужем и двумя сыновьями живет в Севастополе.

– В Севастополе? – перебил его Юра, – зачем она туда уехала?

– Она переехала туда очень давно, потому что ее муж моряк. Давно купили там дом. Уже привыкла. Значит, вы рыбак?

– Да, с детства на Дону с удочкой. Честно говоря, я ничего не понял. Василий толком ничего мне не объяснил. Только то, что вы приглашены на прогулку в Старочеркасск. Мы всей компанией часто отправляемся на катере отдыхать. Но еще ни разу не приглашали чужих. А когда я узнал, что приглашен детектив, то испытал шок. Это не просто так. Что-то случилось? Что? Странно. Мы с Василием дружим уже много лет. Я его заместитель. Он доверяет мне вести переговоры на всех уровнях, финансовые дела доверяет, но сейчас ничего не объяснил. Только и сказал, что я должен буду представить вас в качестве своего друга. Дескать, познакомились на рыбалке. Где на рыбалке? На Дону?

– Можно и на Дону. Я никогда не выезжаю один, всегда с друзьями.

– Далеко? На электричке?

– У меня есть машина, у друзей есть машины. Палатка тоже есть. Мы любим с ночевкой, чтобы с утра пораньше устроиться на берегу с удочкой. В Верховьях Дона очень любим, но далековато, хотя расстояние нас не пугает: Миус, Большая Сандата, Цимла...

– На Большой Сандате в Развильном живет моя сеструха. Вы бывали в Развильном?

– Да, большое и очень красивое село. Когда-то Развильное было районным центром.

– Сеструха замуж вышла, в школе учительницей. Значит, именно в Развильном мы с вами и познакомились на берегу Большой Сандаты.

– Я был там в прошлом году в июле.

– Надо же! Какое совпадение! Я тоже был в Развильном в июле на День рыбака! На мосту с удочкой стоял: шуренка... У сеструхи гостил. Надеюсь история о том, как мы познакомились на берегу Большой Сандаты не вызовет сомнений.

– Разве кто-то начнет проверять? – удивился Трубников, – я понял, что на катере будут люди, связанные не только работой, но и дружбой. Почему вы обеспокоены?

– Да при чем здесь я? – раздраженно отмахнулся Гондарев, – ведь речь не обо мне, а о Жене! – он осекся и замолчал.

– О Жене? Евгении Михайловне – жене Миронова? Почему вы решили, что речь идет о ней? Вам сказал об этом Василий Иванович?

– Нет. Он ничего не объяснил! Это оскорбительно для меня! Я просто предположил, что вы появитесь завтра на катере из-за нее.

– Почему?

– Почему он вас пригласил? Василий мой друг и мой работодатель. Это его фирма. По работе он полностью доверяет мне и правильно делает. Я честен в работе. Но его жена – это совсем другой разговор. Только поймите меня правильно. К Жене у меня скорее отеческие чувства. Был на их свадьбе. Я ничего не знаю о цели вашего визита. Если вы причините ей боль, зло, то я не хочу представлять вас. Не хочу даже невольно быть причастным к этому. Зачем Василий пригласил вас?

– Нет, – улыбнулся Трубников, – я не собираюсь действовать против Евгении Михайловны.

Гондарев вздохнул с облегчением и быстро поднялся. Откланялся, ушел.

Катер Миронова стоял у причала неподалеку от речного вокзала. Трубников поднялся на катер, где его радостным кличем встретил Гондарев и сделал попытку прижать к своему скелетообразному телу. Трубников был одного роста с ним, но плотнее, хотя он и не толстый. Он сам крепко обнял «друга» за плечи, громко поздоровался и тихо на ухо сказал: «Не переигрывайте! Целоваться не будем». Все были в сборе. У всех приподнятое настроение и просветленные лица. Гондарев познакомил «друга» с хозяином катера. Василий Иванович долго тряс его руку и объяснял, что он не рыбак, а охотник, что у него лицензия, ружье... Представил ему жену и дочь.

Трубников не смог скрыть удивления, увидев жену Миронова. Он бы мог принять ее за дочь Миронова. На вид ей было лет 16. Маленького роста, худенькая с длинными выющимися темно-каштановыми волосами. На ней были джинсы и белая футболка. Девочка-подросток! Но рядом с ней стояла малышка, держалась за ее ногу. Евгения, познакомившись с Трубниковым, взяла дочь на руки, ушла с ней, извинившись. Василий Иванович с тревогой посмотрел им вслед, заторопился, пора отправляться, все в сборе. Ушел отдать распоряжения капитану. Гондарев представил Трубникова бодрой старушке в шортах и футболке:

– Наш бессменный бухгалтер Зинаида Николаевна Яковенко. А в кресле-качалке дремлет ее муж Олег Сергеевич. Это Лида и ее друг Эдуард. К ним подошли девушка и ее друг, раздетый как франт. Все были одеты по-летнему: шорты, футболки, Яковенко-муж дремал под большой соломенной шляпой. А Эдуард был одет в костюм и при галстук. У его подружки Лиды было круглое лицо, нос картошкой, но сколько оптимизма и радости в глазах! На ней была игривая блузка, которая блестела и переливалась под лучами солнца всеми цветами радуги. Трубников про себя назвал их пижон и пижонка. Вернулась Евгения с дочкой.

Катер отчалил от берега, все радостно зааплодировали. Сланцы под соломенной шляпой в кресле-качалке зашевелились. С кресла встал и потянулся старичок с пивным животиком в серых шортах и серой футболке. Он снял большую соломенную шляпу. На солнце заблестела его лысая голова, зато у него были роскошные черные усы. Он медленно подошел к Трубникову. Гондарев торопливой скороговоркой начал представлять ему своего «друга», но Яковенко-муж, бесцеремонно оттолкнул его локтем и приблизился к Трубникову, рассматривая его. Все замолчали от такой бесцеремонности. Трубников стоял непоколебимо, как скала и добродушно улыбался под пристальным взглядом мужа бухгалтера.

– Ба-а-а! – протяжным басом сказал Яковенко-муж. Это вызвало оживление у гостей. Все дружно подтянулись, образовав полукруг. Вернулась Женя с дочкой, присоединилась к ним. С удивлением наблюдала за Яковенко. Все ждали продолжения, но Олег Сергеевич молчал и продолжал внимательно рассматривать Трубникова.

– Олег Сергеевич, – не выдержала Лида, – что означает ваше «Ба-а-а»?

– Оно означает, что я люблю читать уголовную хронику.

Все засмеялись, что совершенно не смутило Олега Сергеевича.

– Это же ростовский Шерлок Холмс! – он бесцеремонно ткнул пальцем в живот Трубникова, потому что был маленького роста и достал только до живота.

– Вы мне льстите, – засмеялся детектив.

Гондарев медленно отошел от них, горестно поджав губы.

– Это правда? – обрадовалась Лида, – вы сыщик? Можно мне с вами сфотографироваться? Эдик, снимай!

Она повелительным жестом передала другу смартфон и встала рядом с Трубниковым, оттеснив Олега Сергеевича. Девушка, наверное, перепутала детектива с обезьянкой или другим диковинным зверьком, с которым отдыхающие любят фотографироваться на пляже. И

ее выходка была бы оскорбительной, если бы на помощь ей не пришла вся дружная компания, выстроившись в ряд за спиной Трубникова. Детективу ничего не оставалось делать, как радушно улыбаться.

Эдик фотографировал всех в профиль и в анфас, просил улыбаться пошире и повеселее. Евгению с дочерью на руках поставил в центр, Трубникова рядом, возле его пояса блесст лысиной и лучезарной улыбкой Олег Сергеевич. От этого занятия их отвлекли чебуреки, которые вынесла на палубу пожилая женщина, в белой блузке и черной юбке, чем-то напоминающая стюардессу на пенсии. Яковенко-муж сразу переключился на чебуреки, его жена не отставала. Лида громким шепотом шептала что-то на ухо Жене, то и дело оборачивалась и смотрела на Трубникова. Улыбка исчезла с лица Жени, во взгляде появился страх. К Трубникову подошел Василий Иванович и громко предложил провести его с экскурсией по катеру. Они спустились вниз.

– Вы хотели мне что-то показать, – напомнил ему детектив.

– Да, – ответил Василий Иванович, – заходите, не смущайтесь. Это каюта Евгении и Любаши. Смотрите! Во всех каютах есть такой шкаф. Он замаскирован под стену не потому, что бережет тайну, просто каюты очень маленькие, места мало, а шкаф для одежды нужен. Все каюты запираются на замок, но ключ один. Он подходит для всех дверей. Нам нечего прятать друг от друга. Так удобнее. Если кто-то потеряет ключ, то сосед выручит. Надо нажать сюда, стены раздвигаются. Смотрите, тут вешалка. Это платья моей жены и дочери, внизу их обувь и несколько картонных коробок, а вот и дипломат, который я хотел вам показать.

Вот этот маленький дипломат. – Миронов поставил на столик старый дипломат. – Не подумайте обо мне плохо! Я его случайно обнаружил утром. Я не делал обыск! Я всегда лично проверяю катер перед прогулкой. Прихожу пораньше утром и проверяю, заглядываю во все каюты, чтобы чисто было, чтобы не было сломанных плечиков в шкафах, не было пыли на столах и зеркалах. Это мой старый дипломат, я давно им не пользуюсь. Меня удивило, что он здесь оказался. Я открыл. Замок у него есть, но давно сломан. Я видел его вчера утром, заходил сегодня утром, еще раз открыл. Сейчас открою, смотрите!

С этими словами он открыл дипломат и с удивлением уставился на газеты, которыми доверху был набит дипломат.

– Газеты, – сказал Трубников, взяв одну из них, – старые газеты. Прошлогоднее «Свободное слово». Почему вы хотели их мне показать?

– Я хотел вам показать не газеты, а деньги! – возмущенно повернул к нему обиженное лицо Миронов, – Вчера утром, сегодня утром здесь были деньги! Я пересчитал! Сто пятьдесят восемь тысяч рублей! В разных купюрах! Даже в сторублевых! Эти деньги и послужили для меня последним толчком. Я пришел к вам! Я подумал, что Женю кто-то шантажирует, а она боится мне сказать. Не стал расспрашивать ее, чтобы не причинить ей боль. Если она не хочет говорить, не надо. Я решил, что в Старочеркасске она собирается кому-то передать сто пятьдесят восемь тысяч рублей! Почему здесь газеты?

– Кто-то их сюда положил, а деньги украл. Надо найти вора.

– Найти вора? Сначала закрою дипломат и верну его на место. Евгения может в любую минуту зайти, будет трудно объяснить ей наше вторжение, – Миронов закрыл дипломат, поставил его в шкаф и закрыл шкаф. – Неужели кто-то украл деньги? А Евгения даже сказать об этом не может! Она брала в долг у всех подряд! Собрала с трудом! Кто их украл? На катере только свои!

– Кроме капитана и той женщины, что приносила чебуреки. Кто она?

– Помогает. Должен же кто-то мыть посуду и убирать за нами мусор! Чертовщина!

– Прямо сейчас, – сказал Трубников, – объясните все жене. Скажите, что хотите помочь ей, защитить ее. И я смогу найти того, кто украл деньги и заменил их газетами. Мне всего лишь надо взять дипломат с собой, снять отпечатки пальцев...

– Да вы в своем уме! Вы еще у меня отпечатки пальцев захотите снять!

– Обязательно! У всех, у вас тоже!

– Только через мой труп! Это же такой позор! Подозревать моих коллег, моих друзей в воровстве! Вы с ума сошли! Пойдемте поскорее, Евгения может зайти сюда в любую минуту.

Они подошли к двери, но дверь сама открылась, на пороге стояла Евгения с Любашей на руках и удивленно смотрела на них.

– Я показываю нашему гостю катер! – радостно и очень громко сказал Миронов, – прости, что мы зашли к тебе без спроса. – Он обернулся к Трубникову, – никогда не догадаетесь, какой секрет есть в моей каюте! У меня настоящий бар! Вы любите коньяк?

Трубников пожал плечами:

– Смотря какой.

– Я не разочарую вас. У меня собран самый лучший! Пойдемте, проверим на вкус!

– Скоро будет ланч, – остановила их Евгения, – не опаздывайте.

– Поднимемся через пять минут, – улыбнулся Миронов, – пойдемте, – обратился он нарочито громко к детективу, – там спуск в машинное отделение. Хотите туда заглянуть? Сначала ко мне в каюту.

Он завел гостя в каюту, закрыл дверь и вытер пот со лба, опустил на табуретку:

– Слава Богу, я успел спрятать дипломат в шкаф!

– Не понимаю, чего вы испугались? – сухо сказал Трубников, – вас бы застали за изучением содержимого дипломата. Но ведь вашей жене тоже пришлось бы объяснить, зачем ей понадобился целый чемодан денег, и где она их взяла, для чего? Может быть, вместе мы смогли бы принять правильное решение и быстрее избавиться от шантажиста? Если действительно речь идет о шантаже.

– А для кого она припасла деньги? Для кого занимала? Зачем взяла дипломат в Старочеркасск?

– Кстати, когда она его принесла, если вы увидели его еще вчера утром?

– У нас разделение обязанностей. Я отвечаю за готовность катера, за его боеготовность. Она за питание. Женя приезжала сюда утром, чтобы отдать приказы насчет ланча, чебуреков и прочего питания. Это так, перекусить. А в Старочеркасске мы будем обедать основательно. Это уже моя забота. Я забыл вас предупредить. До 14 часов каждый по интересам. Кто в музей, кто на пляж, кто пивка попить. А к 14 все собираемся возле катера. Обедать будем не на катере, но надо немного вниз, там уже все приготовлено, я договорился и оплатил, надеюсь, вам понравится, все вкусно будет. А сейчас нам надо расстаться, чтобы никто не заподозрил меня в длительной консультации. Одно дело пройти с экскурсией по катеру, другое долго беседовать в моей каюте. Пойдемте, там уже, наверное, все сели за стол. Не надо заставлять их ждать нас.

На палубе стоял стол, за которым сидели все гости и Евгения с дочерью, играла веселая музыка. Трубников присоединился к ним, а Миронов звонко хлопнул себя ладонью по лбу и с криком: «Я сейчас, начинайте без меня» убежал. Трубников оказался между Женей, у которой на коленях сидела Любаша, и бухгалтером Зиной. Любаша, сидя у мамы на коленях, прочно уперлась ножками в бок детектива. Бухгалтер Зина начала рассказывать ему на ухо о дочери соседки, которая разводится с мужем и делит имущество, пытаясь получить от него дельный совет по поводу сохранения имущества дочери соседки. И единственное, что его утешало – обилие жареной рыбы на столе. Она была очень хорошо приготовлена. Удивило хорошее вино. Появился Миронов, сел за стол и первым делом налил вина Евгении и себе. Все последовали их примеру. Миронов встал и проникновенным голосом произнес:

– Друзья! Спасибо, что собрались все вместе! Давайте выпьем за мою Евгению, за Любашу! За твоё здоровье, – уже тише сказал он жене, – за твоё счастье, за исполнение всех твоих желаний!

Все дружно выпили и принялись за рыбу. Потом убрали столы и устроили на палубе танцы. Эдуард самозабвенно кружил в вальсе с Лидой, смотревшей на него счастливыми глазами. Миронов танцевал с Евгенией, а стюардесса на пенсии учила танцевать Любашу. Трубникова удивила бухгалтер, которая лихо отплясывала, несмотря на преклонные лета, ее мужу с пивным животом за ней не угнаться. Он и не стремился. Отвел Гондарева в дальний угол и пытал его, спрашивал о чем-то, тыкал пальцем в живот.

Трубников стоял в стороне, смотрел на танцующих, на Дон. За всеобщим демонстративным весельем чувствовалась какая-то иллюзорность, призрачность. Евгения старалась не смотреть на него, но когда случайно встречалась с ним взглядом, то он видел в ее глазах страх. Миронов нарочито громко смеялся. В его смехе, во всем его поведении не чувствовалось искренности, но напряженность и тревога.

В Старочеркасск прибыли в начале двенадцатого. Трубников старался не упускать из вида Евгению. Она вела дочь за руку и медленно шла к музею. Дипломата при ней не было. Да и зачем? Если там одни газеты.

– Бедняжка, – думал детектив, глядя ей в спину, – она даже заявить об этом не может, даже мужу не может сказать. Никому не может сказать, что у нее пропали деньги. Выглядела она спокойной, может быть, помогло вино?

Трубников закурил, постоял у входа, подошли Лида и Эдуард.

– Вы уже успели побывать в музее? – удивился Эдуард.

– Еще не заходил, – улыбнулся Трубников, сейчас пойду.

– Пойдемте с нами, я уже много раз был здесь, Хороший музей, – сказал Эдуард.

– Эдик, – ткнула друга в бок локтем Лида, – Евгения там! Пошли, сфотографируешь ее на фоне музейных экспонатов, – она подмигнула Трубникову и решительно зашагала в музей, увлекая за собой Эдуарда.

– Вот вы где! – услышал он за спиной радостный голос бухгалтера Зины, – а я вас ищу! Я все же хочу рассказать про дочь соседки! Как ей сохранить имущество? Ее благоверный уже выписал ее из квартиры! Разве она не имеет на нее право?

Трубников с тоской посмотрел на небо. Голубое чистое небо! Замечательный весенний день!

– Зинаида Николаевна, – обернулся он к бухгалтеру, – сегодня замечательный день, прекрасная погода!

– Да при чем здесь погода, я вас про развод спрашиваю!

Трубникову пришлось долго слушать, потом объяснять про развод и про раздел имущества. Из музея вышли Евгения с Любашей на руках, Лида и Эдуард. Трубников вместе с Зиной прошел по музею. Было мало людей: две девушки, старый казак с внучкой, коренастый мужчина невысокого роста. Трубников не хотел потерять Женю из виду, поспешил выйти из музея. За ним неотступно следовала бухгалтер Зина. Она активно жестикулировала и рассказывала ему о дочери соседки. До обеда Евгения загорала на берегу вместе с Лидой и Эдуардом. Эдуард плавал и рычал от счастья. Приглашал женщин тоже поплавать, но они боялись холодной воды.

Обед прошел прекрасно. Миронов не покусился на хорошее вино, на вкусную еду. Отправляться в Ростов сразу после такого сытного застолья было бы преступлением. Все устроились на берегу. Откуда-то появились коврики и легкие кресла, но Олег Сергеевич поостерегся усаживаться в легкое кресло. Уж слишком легкое для его грузного тела. Он улегся на коврик, положил рядом большую соломенную шляпу и уснул. А Евгения села в кресло. Любаша играла со щенком, который прибежал на запах еды.

– В Старочеркасске проживает более двух тысяч жителей. Много казаков, – сказала Евгения.

Издали доносилась песня. Пели хором от избытка чувств казачьи песни. Красиво пели.

– Как хорошо здесь, – продолжала она, – в Ростове тяжелый воздух, много машин и людей. А здесь много неба и воздуха. Словно тяжесть с души спадает. И люди вокруг такие приветливые, доброжелательные. Сиренью пахнет, весной.

Евгения выглядела не просто спокойной, но какой-то умиротворенной, что весьма озадачило Трубникова, и не только его. Миронов с удивлением смотрел на жену. В какой-то момент Трубникову показалось, что Миронов сам украл деньги и ждал, что жена закатит истерику, испугается. И сейчас с удивлением смотрел на нее, слушал ее философские размышления о природе и погоде. Гондарев в стороне, чтобы не дымить, курил, смотрел на Дон, на другой берег. Бухгалтер Зина старательно записывала в блокнот советы Трубникова по разделу имущества для дочери соседки. Лида с Эдуардом сразу после обеда куда-то ушли, обещали вернуться к двадцати часам на катер. Миронов больше не подходил к Трубникову. Отстала от него и бухгалтер Зина. Ровно в 20 часов катер отправился в Ростов. На набережной возле речного вокзала Трубников распрощался с Мироновым, его женой и гостями. Гондарев уже не пытался обниматься, просто пожал руку. Выглядел он уставшим. Уставшим или разочарованным? Расставшись с ними детектив поехал не домой, хоть был уже поздний час, а к себе в офис на Кировский, 44.

В офисе на Кировском его уже ждали помощник Саша Шаповалов – студент пятого курса юридического факультета и Владимир Леонтьевич Лукашов, который всю жизнь работал опе-ром, а теперь был на заслуженном отдыхе, но на внештатной основе часто помогал Николаю Федоровичу. Лены не было, поэтому кофе приготовил Саша, как самый молодой. Когда приехал шеф, они сидели в приемной пили кофе, курили и разговаривали. Трубников открыл кабинет, пригласил их зайти. Лукашов сел в кресло рядом со столом шефа, Саша сел за свой стол у окна.

– Вчера, – сказал Трубников, – ко мне пришел предприниматель Василий Иванович Миронов и попросил меня защитить его жену от предполагаемого шантажиста. Кто шантажирует его жену, почему? Действительно ли речь идет о шантаже или ему все померещилось? Я по наивности считал, что в таких ситуациях муж сам должен защищать жену, но все же согласился и провел этот день на катере и в Старочеркасске.

Миронов показал мне дипломат в каюте его жены. Объяснил, что еще утром видел в дипломате деньги (158 тысяч рублей), но я увидел только прошлогоднее «Свободное слово». Миронов объяснил, что Евгения просила у всех подряд в долг. Объяснил, что из-за этих денег, собранных женой тайком от него, он и решил, что кто-то шантажирует ее. За что? У них двухлетняя дочь Люба. Миронов официально считается ее отцом, но он не знает, кто ее настоящий отец, где он? Предполагает, что он сейчас появился, чтобы шантажировать Евгению. Думал, что Евгения встретится с ним в Старочеркасске, потому что она взяла с собой дипломат с деньгами. Наверное, деньги предназначались для шантажиста.

Я следил за Евгенией в Старочеркасске и не заметил, чтобы она встречалась с шантажистом. Дипломата у нее не было, оставила в каюте. Я хотел сразу провести расследование, снять отпечатки пальцев с дипломата, найти вора. Но Миронов пришел в ужас, только представив, что у него самого и у его друзей, членов семьи будут снимать отпечатки пальцев, что их будут подозревать в краже. Деньги мог украсть любой из гостей, капитан катера и женщина, которая обслуживала гостей. Их мог украсть сам шантажист, хотя я сомневаюсь в этом. Не настолько же он глуп, чтобы пробраться на катер, но он мог кого-нибудь послать.

В музее я видел невысокого роста коренастого мужчину. Долгие годы в МВД и длительное общение с преступниками помогает по неуловимым признакам различать среди многих людей одного, принадлежащего к преступному миру. Он перекинулся с Евгенией словом. Я не слышал. Мне показалось, он спросил, который час. Он из тех, кто отсидел свой срок и пытается выбиться в люди. Евгения была спокойна. Словно благодать на нее снизошла. Я не понял,

почему? Ее муж тоже смотрел на нее с удивлением. А Гондарев почему-то после обеда избегал меня, старался в глаза не смотреть. Тоже не понял, почему. Бухгалтер Зина донимала меня расспросами, я часа два консультировал ее по поводу развода дочери ее соседки. Лида и Эдуард вели себя вполне адекватно. Сомневаюсь, что они причастны к краже денег из дипломата, хотя и не исключаю такой возможности.

– Деньги мог украсть сам Миронов, – сказал Саша, – а потом пригласить детектива для отвода глаз.

– За руку не пойман, не вор, – сказал Лукашов. А что говорит Миронов?

– Еще ни разу, – ответил Трубников, – мой клиент, кстати, очень щедрый клиент, не избегал меня так старательно. Он дал мне полную свободу действий и попросил не о том, чтобы я разыскал вора и пропавшие деньги, но чтобы я защитил его жену.

– Что ж это за муж? – удивился Саша, – сам защитить не может? Поговорил бы с женой по душам, потом встретился и поговорил с шантажистом, полетели бы клочки по закоулочкам, и нет больше шантажа, нет шантажиста.

– Меня тоже это удивляет, – согласился Трубников, – но он платит за то, чтобы я защищал его жену. Володя пригласи своих друзей, установи за ней наблюдение. Но не спугни ее! Она ничего не должна замечать. Она работает в строительной фирме мужа на полставки и учится в институте. У нее есть машина, она сама водит ее. С дочерью сидит няня. Предполагаю, что ей действительно угрожает опасность. А чтобы выяснить от кого может исходить опасность, мне нужна информация о Евгении, о ее прошлом. Это задача для тебя, Володя. Возьми визитку Миронова, здесь адрес офиса и его домашний адрес. Узнай о ней все, что сможешь. Это срочно.

Трубников вернулся домой в полночь на такси. Удивился, что в квартире горит свет. Дома никого не должно быть. Люда в Севастополе, Игорь в Аюте. Тихо открыл дверь и сразу услышал «Вечернюю серенаду» Шуберта.

– Игорь! – крикнул он, – почему ты дома? Ты же должен быть в кадетском корпусе, что случилось?

Из комнаты в прихожую на одной ноге припрыгал Игорь:

– Ничего не случилось. У нас занятия по верховой езде. Я с лошади свалился, у меня растяжение, нога опухла. На несколько дней домой отпустили.

– Как же ты приехал? Нога сильно болит?

– Эх, папа! Что нога? Ерунда! У меня душа болит.

– У тебя проблемы? Поделись со мной, одна голова хорошо, а две лучше, – ответил Трубников, заходя в комнату и усаживаясь в кресло. Игорь прискакал следом и оседлал стул, облокотившись о спинку:

– Какая разница! Одна голова или две! У меня же болит не голова, а душа!

Трубников молча смотрел на него, не находя ответа. На лице Игоря неподдельное страдание, в глазах слезы. На лбу между бровями появилась складка, которой никогда раньше не было. Серенада закончилась, началась какая-то веселая музыка. Игорь выключил компьютер и сел на стул уже в правильную позу, но спиной к отцу. Плечи опущены, спина ссутулилась. Маленький старичок, а не подросток. Наверное, плачет, не хочет, чтобы отец видел слезы.

– Как ее зовут? – после долгого молчания спросил Трубников.

– Оля, – тихо ответил Игорь.

– Откуда в кадетском корпусе Оля? Там же одни мальчики учатся!

– Она не учится, а работает в столовой.

– Давно?

– С января. Она всегда улыбалась мне, когда я приходил обедать. Я стал на переменах в столовую бегать, пирожки покупал и малышне отдавал, есть я не хотел, я только чтобы ее

увидеть. Она очень красивая, а когда улыбается, то у нее на щеках появляются ямочки. Я начал писать венки сонетов, хотел ей подарить. Уже написал пять сонетов. Все больше не буду!

– Странно, что ты упал с лошади. Ты же очень любишь верховую езду. Хлебом не корми, дай на коне порезвиться. Неужели специально подстроил? Чем же тебя Оля разочаровала?

– Она целовалась с Денисом! Я в подсобку на кухне зашел, а они целуются. И она его обеими руками обнимает! Она предпочла мне Дениса! У него всегда тройки по математике, он ниже меня ростом и толще, а она предпочла его.

Трубников порадовался, что Игорь сидел к нему спиной, потому что не смог сдержать улыбку. И до самого утра объяснял сыну, что любовь не всегда бывает взаимной, что это надо переносить стоически, как подобает настоящему кадету.

Лукашов приехал в офис Трубникова на Кировский во втором часу в понедельник. Лена сказала ему, что шеф и Саша сейчас обедают в ресторане, он поторопился присоединиться к ним, потому что со вчерашнего вечера забыл даже думать о еде. Саша кушал свой любимый салат, Трубников наслаждался стейком. Лукашов предпочел стейк, обильно смазал хлеб горчицей и съел два куска, пока ему принесли стейк. Насытившись, он начал докладывать:

– Евгения Михайловна Миронова в девичестве Григорьева после окончания школы работала разнорабочей на заводе «Смычка». Там у нее был друг, он же гражданский муж Алексей Левченко. Когда она пришла работать на завод, ей было 17 лет. Левченко через три месяца после ее появления на заводе перешел на другую работу. Занялся продажей ювелирных изделий. Но они не перестали общаться и вскоре стали жить вместе на съемной квартире.

Ювелирный салон возглавлял друг Левченко – Сидоров, царство ему небесное. Алексей Левченко получал под расписку ювелирные изделия, отправлялся с ними по городу Ростову и по другим городам России. Продавал, с этого имел процент. Продавал с переменным успехом. Снимал в Ростове квартиру на Каменке, где его всегда ждала Евгения. Карьера Левченко закончилась после ограбления ювелирного салона. Кто-то ограбил кассу, вскрыл сейф, похитил 200 тысяч рублей 500 тысяч долларов и ювелирные изделия на общую сумму 2 миллиона рублей.

При этих словах Саша перестал поглощать салат, и все внимание переключил на Лукашова. Трубников тоже слушал очень внимательно.

– Было заведено дело, до сих пор не раскрыто. Под подозрением был Левченко, но Женя подтвердила, что в ночь ограбления он был вместе с ней. Однако он все же попал в тюрьму за избиение.

– Неужели он избил Евгению? – спросил Саша.

– Нет. Устроил драку в пивном баре, а там видеонаблюдение. Человек, которого он избил, кулаками работать не мог, но сразу обратился в прокуратуру. Левченко сел на два года, которые превратились в три. Он и в тюрьме кого-то избил, вел себя вызывающе. Похоже, что парень без тормозов.

– А может быть, – сказал Трубников, – он специально устроил дебош в пивном баре? Алиби, которое обеспечила ему Женя, могло остановить органы дознания, но не дружков по ювелирному бизнесу. Может быть, Левченко пытался спрятаться от них в тюрьме? Ты сказал три года, когда он освобождается?

– Освободился две недели назад. Находится под наблюдением. Предполагаю, что за ним наблюдают и правоохранительные органы и его бывшие коллеги по бизнесу, уверенные, что он где-то припрятал деньги и ювелирные изделия.

– Их могла припрятать и сама Евгения. Если Любаша его дочь, то муж и жена – одна сатана, – сказал Саша. – Тогда ничего не понимаю про шантаж. Кто шантажирует Евгению? Зачем она занимала у всех деньги?

– Проверил и это, – ответил Лукашов, – Женя действительно брала в долг у многих людей. Для кого, для чего? Не знаю. За ней наблюдает сейчас Булавинов, потом я сам сменю его. Она выглядит спокойной и уверенной.

– А Миронов, – спросил Трубников, – имел отношение к ювелирному салону? Миронов или Гондарев? Яковенко?

– У меня есть список всех работников ювелирного салона и охранников, – сказал Лукашов и передал лист бумаги Трубникову. – Здесь нет этих фамилий. Собрать информацию на Миронова, Гондарева и Яковенко?

– Нет, – ответил Трубников, – пока не надо. Найти бы этого Левченко!

Трубников допил бокал красного вина, Лукашов отказался, он за рулем, Саша предпочитал сок. Молчание нарушил телефонный звонок, раздавшийся из кармана Трубникова. Звонила Лена:

– В приемной вас дожидается клиент. У него к вам срочное дело. Его зовут Левченко Алексей Владимирович. Он очень настойчив, говорит, что дело очень важное не только для него, но и для вас.

– Левченко? – удивился Трубников, – как он выглядит?

– Самоуверенно. Я бы даже сказала, что он выглядит нагло, – ответила Лена.

– Опиши мне его внешность.

– Высокого роста. Волосы черные, аккуратно подстрижены. Худой, но не спортивный, какой-то больной. Болезненная худоба. Хорошо одет. На нем дорогой костюм, он курит дорогие сигареты. По-моему, не собирается уходить, не поговорив с вами. Со мной общаться отказывается. Только с вами.

– Пусть подождет, – ответил Трубников и сунул смартфон в карман. И обратившись к друзьям, сказал, – Алексей Левченко ждет меня в приемной.

– Левченко? – удивился Лукашов, – сам пришел? Я еще не все сказал. Сидоров, который покровительствовал ему и принял на работу. Сидоров покончил жизнь самоубийством. Он имел наградной ПМ, из которого застрелился.

– Наградной? Бывший военный?

– Это пистолет его отца. Он был военным. Сидоров окончил Московский институт стали и сплавов. Кстати, пистолет пропал. Так что, может быть, кто-то помог Сидорову уйти. Дело темное. Ни деньги, ни ювелирные изделия никто так и не нашел. И Левченко сейчас ждет в приемной? Я ничего не понимаю. Зачем он пришел?

Сейчас узнаем, усилю наблюдение за Евгенией. Я понимаю, что у тебя мало людей. Но обязательно надо установить наблюдение и за ожидающим меня в приемной Алексеем Левченко. Если он пришел ко мне, значит, чего-то от меня хочет. Сначала послушаю, что он скажет. Наблюдай за ним сам. Где живет? Все же он только две недели как освободился. Но Лена сказала, что он хорошо одет и курит дорогие сигареты. Откуда деньги?

Они втроем вышли из ресторана. Трубников направился в офис, Лукашов и Саша сели в выдавшую виды машину Лукашова.

Худой мужчина с радостной улыбкой легко поднялся с кресла и подошел к Трубникову, когда тот вошел в детективное агентство:

– Добрый день, Николай Федорович! – приветствовал он детектива, – позвольте мне отнять у вас несколько минут вашего времени.

– Пойдемте, – сухо ответил детектив, открывая дверь кабинета. Он прошел за свой стол, сел. – Присаживайтесь. Я слушаю вас очень внимательно.

– Вот газета «Свободное слово», – сказал Левченко, положил на стол газету, – она только что вышла. Она каждый день выходит в это время.

– Вы пришли ко мне, чтобы принести свежее «Свободное слово»? Напрасно беспокоились. Сегодня вечером я вынул газету из почтового ящика.

– На первой странице групповой снимок с вами во главе. Я сразу все понял, когда увидел его, поэтому и пришел к вам.

Трубников развернул газету. На первой странице был снимок, который сделал на катере Эдуард. Под снимком маленькая заметка о том, что трудоголик Трубников, который известен всем своим затворничеством, вдруг начал вести светский образ жизни, отдыхать на катере известного предпринимателя Миронова. Детектив с неприязнью посмотрел на фамилию Эдуарда под статьей, рядом с ней красовалось: «Внештатный корреспондент». Объясните мне, пожалуйста, что вы имели в виду, сказав, что вы сразу все поняли?

– Конечно, – Левченко уже преодолел минутное замешательство, закинул ногу на ногу и бросил быстрый взгляд, чтобы осмотреть кабинет. Кому-то требуется много времени, чтобы оценить обстановку, оценить ситуацию, кому-то достаточно одного быстрого взгляда. Очевидно, Левченко относился ко второй категории. Он остался доволен роскошным кабинетом Трубникова и начал говорить, как учитель говорит ученику:

– Несколько лет назад я занялся бизнесом. Увы, я на собственной шкуре узнал, сколько стоит в наши дни предприимчивость. Меня тщетно пытались обвинить в ограблении ювелирного салона, в мошенничестве, а отсидел я за побои, которые нанес в пьяном виде какому-то хмырю. Ой, простите! Человеку, не знакомому мне. С тех пор моя жизнь делится на до тюрьмы и после. А после прошло только две недели. До тюрьмы у меня была жена Евгения, – он снова смутился под взглядом Трубникова, – я не учел, что вам слишком много обо мне известно. Не жена, мы не были в законном браке, но жили вместе.

– Почему вы решили, что мне много о вас известно?

– Как почему? Я же обладаю логическим мышлением. Я умный человек.

– Я тоже себя глупым не считаю. Почему вы решили, что мне много о вас известно? Познакомьте меня со своими логическими умозаключениями, пожалуйста.

– Я же показал вам газету. Вы в окружении семейства Миронова. Учитывая, что раньше вы не появлялись в этом святом семействе, я пришел к выводу, что вас пригласили в качестве детектива...

– Подождите, – улыбнулся детектив, – но откуда вам известно, что раньше я не появлялся в этом святом семействе. Я понял, что вы были близки с Евгенией, но Миронов? Он тоже ваш близкий друг? Откуда вам знать, кто близок к его семье, кто далек?

– Миронов – фигура публичная, он ведь и депутатом городской думы был, правда, давно. Прогулки на катере совершает регулярно, но никогда не берет чужих. Всегда только близкий круг. Он мне не друг и не враг. Он мне доводится мужем моей жены.

– Вас не огорчает, что Женя вышла за него замуж?

– Совершенно не огорчает. Сел в тюрьму, меняй жену. Я бы очень удивился, если бы она ждала меня три года. Я узнал об этом две недели назад и только порадовался за нее. Хорошо устроилась. И дочка уже есть. Святое семейство. И вдруг на катере появились вы. Простите мне мою нескромность, но я решил, что вас пригласили из-за меня и Жени. Миронов испугался, что я захочу возобновить отношения с ней. И попросил вас помешать этому.

– Ваши умозаключения очень интересны, но неправильны. Вы действительно преувеличиваете свою роль. Меня пригласил не Миронов, а Гондарев – мой друг, мы с ним рыбаки. Однако вы до сих пор не сказали мне о цели вашего визита?

– Но вы же законник! – всплеснул руками Левченко, – вы же юрист! Я думал, что вы сразу поняли, зачем я пришел к вам.

– Хочу услышать от вас.

– Вам уже известно, что я сел за побои.

– Вы уже об этом говорили.

– Но и во время следствия и на зоне ко мне подходили с предложением вернуть ценности, якобы похищенные мною из ювелирного салона. Даже обещали, что если все отдам, то скостят срок. Я отказался. Потому что я к этому ограблению никакого отношения не имею. Я уже на свободе, но они не отстали! Они ходят за мной по пятам, пасут днем и ночью.

– Они? Кто это?

– Все! И законники, и бывшие так называемые коллеги по ювелирному бизнесу. Ждут, когда я побегу клад откапывать. А у меня нет никакого клада! Я гол, как сокол!

– Я бы так не сказал, – Трубников выразительно осмотрел дорогой костюм Левченко.

– Я же говорил вам, что я человек умный и очень предприимчивый. Пока мне удастся держаться в седле. Тюрьма подорвала мои силы. Я хочу мирной и спокойной жизни подальше от Ростова.

– Насколько подальше? – улыбнулся Трубников.

– За тридевять земель! Я хочу навсегда исчезнуть с Ростова, ностальгия мне не грозит. Слишком много болезненных и тяжелых воспоминаний хранят улицы этого города.

– Исчезайте.

– А вот для этого мне нужна ваша помощь.

– Не понял, – ответил Трубников, – какая помощь? Как я могу помочь вам исчезнуть? И почему вы решили, что я стану помогать вам?

– Потому что я очень сильно попрошу вас помочь мне. А какая помощь? Эти дурни думают, что у меня больше двух миллионов, а у меня нет ни гроша! Я хочу уехать за границу, но не пешком же мне идти?

– Почему бы и нет? Граница с Украиной рядом, можно и пешком.

– Зачем мне Украина? Я не украинец, я русский! Я хочу жить в Европе!

– Замечательная логика! Если русский, значит в Европе. Почему Европа?

– А почему бы и нет?

– Вы пришли ко мне, чтобы я посоветовал вам какую страну предпочесть?

– Не разговаривайте со мной в шутилом тоне! Мне нужны деньги! Совсем немного, тысяч пять рублей – всего лишь. Надо оформить загранпаспорт. Для Миронова пять тысяч, что для меня пять копеек. Он отдаст их мне и даже не почувствует, зато вздохнет с облегчением. И больше не будет беспокоиться за Женю, не будет нанимать детективов для ее охраны.

– Если Миронов и нанимал детективов, то не меня, в этом вы ошибаетесь. Сильно сомневаюсь, что Миронов даст вам даже пять копеек. Он не беден, но и не настолько глуп, чтобы платить шантажисту.

Левченко вздрогнул и возмущенно сказал:

– Я не шантажист! Не оскорбляйте меня! У меня взаимовыгодное предложение и не к Миронову, а к вам.

– Я здесь при чем? – искренне удивился детектив.

– Вы были на катере, вы уже вошли в близкий круг семьи Миронова. Вы, с вашим социальным и финансовым благополучием, можете говорить с ним как равный, в отличие от меня.

– Быть посредником у шантажиста? – на лице Трубникова появилось отвращение, – вы явно переоцениваете себя. Хоть вам и не нравится это слово, но вы шантажист! А с шантажистами можно поступать по-разному. Можно заплатить, тогда шантажист высосет всю кровь. Можно обратиться в полицию. А лучше просто убить.

Левченко съезжился в большом кресле.

– Убить? Вы же законник! Потом сидеть придется и все из-за каких-то пяти тысяч!

Левченко вскочил, потому что со своего места начал подниматься Трубников и вид у него был решительный, кулаки сжаты, челюсти тоже. Левченко оказался у двери, но не ушел. А стоя у двери и держась за ручку продолжал:

– Я буду приходить в ваше агентство каждый день! Просто посижу в приемной, если вы не примете меня. Отдохну немножко и уйду. Но, поскольку меня пасут, то обязательно подумают, что вы каким-то образом связаны с якобы припрятанными мною ювелирными изделиями и деньгами, которых я не брал! Или вы, или кто-то из ваших многочисленных клиентов! Они начнут пасти и вас, и ваших клиентов. А ведь многие из них очень уважаемые люди! Гарантия конфиденциальности – девиз вашего агентства, не так ли? Не будет больше никакой конфиденциальности! Я не угрожаю! Кто я такой, чтобы угрожать вам? Да и что я могу сделать? Разве что немножко испортить вашу жизнь, репутацию агентства своими ежедневными визитами. А запретить вы мне не можете! Двери агентства открыты для всех!

– Если вы сейчас же не закроете дверь с обратной стороны, я...

– Что? Убьете меня? Не легче ли поговорить с Мироновым? Он даст мне пять тысяч рублей, и я навсегда исчезну с Ростова. Надоел мне этот пыльный город! Ой! Что вы себе позволяете!

Левченко быстро юркнул за дверь и прикрыл ее вовремя. Трубников бросил в него пепельницей и только быстрая реакция спасла его от ушиба.

Трубников не помнил, сколько времени он просидел неподвижно тупо глядя в окно. Дверь открылась, и на пороге застыл Липкович. Он хотел шагнуть в кабинет, но задержал ногу в воздухе, потом осторожно опустил ее на пол и с удивлением посмотрел на Трубникова:

– Почему у тебя на полу куча пепла?

– Меня посетил шантажист, – нехотя ответил Трубников.

– И это все, что от него осталось? – сказал Липкович, подходя к столу и усаживаясь в кресло, – хорошо ты справляешься с шантажистами. А чем он тебя шантажировал?

– Снимком в «Свободном слове», – детектив дал другу газету, – прицепился как банный лист... Требуется денег, иначе не отстанет.

– Если дашь, то превратишься в дойную корову. Откуда он появился? Он «привязан» к какому-то расследуемому тобой делу? Сообщи клиенту. Кто клиент?

– Миронов. Он хочет, чтобы я попросил у Миронова для него пять тысяч.

– Долларов?

– Рублей.

– Измельчали нынче шантажисты. Сообщи Миронову. Это случайно не тот самый, который недавно больницу на Орской отгрохал?

– Да, это он. Ты знаком?

– С ним нет, а в больнице уже побывал. Это не больница, а целый больничный городок в роще. Самые тяжелые формы туберкулеза. А главным врачом молодую женщину. Такую красивую! Такую молодую! Зачем ее туда? Это же очень опасно! Почему ее?

– Иди сам работать в больницу на Орской.

– Я же патологоанатом. Вид у тебя уставший. Сообщи Миронову, пусть решает свои проблемы.

– Не буду. Он платит мне за решение его проблем. Сам справлюсь.

– С шантажистом ты справишься, в этом я не сомневаюсь, но с Игорем! Я из-за него пришел к тебе. Я патологоанатом. Для меня морг – место привычное, хотя чаще я в лаборатории. Но почему твой Игорь ко мне в морг пришел с потухшим взглядом? Вернее, припрыгал на одной ноге. Мне показалось, что он яд искал. Что с ним случилось? По-моему, он в состоянии сильной депрессии. Кто его обидел?

– Буфетчица Оля. Яд искал? Надеюсь, не нашел?

– Нашел. Я постарался, чтобы он якобы тайком от меня сам яд нашел.

– Ты что, Женя? – Трубников выпрямился в кресле и с ужасом посмотрел на друга, – мальчишке скоро 14 лет. Он влюблен. Она не отвечает взаимностью. Он же что угодно может сделать! Даже яд принять!

– Я это понял. У меня скляночек много старых. Из-под цианистого калия тоже есть. Хорошо вымыта, пропарена, чистая! Я в нее налил гуттасила. Это слабительное. Вечером принять несколько капель гуттасила, утром – стул. Игорь эту скляночку сам случайно нашел, в карман спрятал, думал, что я не вижу.

Трубников устало откинулся на спинку кресла:

– С Юлькой таких проблем не было.

– Юлька родная и к тому же – девочка. С девочками легче, они послушные. Если бы он у меня «случайно» яд не нашел, то выбросился бы из окна. Что там за Оля? Поговори с ней. Хочешь, я поговорю.

– Бесполезно. Я говорил с Игорем всю ночь, все воскресенье и вот результат! Утром уехал на работу, думал, что он вполне успокоился. Господи, спаси и помоги!

В кабинет зашла секретарь Лена:

– В приемной Щепетильников Эдуард Львович, у него к вам важное дело, которое касается вашей субботней прогулки в Старочеркасск.

– Не буду мешать тебе общаться с Эдуардом Львовичем. Я и так пожертвовал обедом, чтобы к тебе заглянуть.

Липкович ушел, а в кресло перед столом Трубникова уселся пижон, который с трудом сдерживал свое волнение.

– Здравствуйте, Николай Федорович, – сказал Эдуард, – спасибо, что приняли меня. Я вижу, «Свободное слово» у вас на столе, уже прочитали. Лида работает на внештатной основе, но очень хочет работать в штате. Редактор был доволен этим снимком. Даже снял другую статью, чтобы срочно пропустить его в номер. Я знаком с Дыкиным. Полчаса назад, он сказал мне, что ему сообщили... Он не сказал, кто сообщил, но он очень доверяет тем, тому, кто сообщил. Так вот, ему сообщили, что Миронов пригласил вас исключительно в качестве детектива, а рыбалка и якобы дружба с Гондаревым для отвода глаз. Дыкин сказал мне, что Миронов пригласил вас на прогулку в Старочеркасск, чтобы вы следили за мной.

– Зачем? – улыбнулся Трубников, – зачем мне следить за вами?

– Ради того, чтобы выяснить это, я пришел к вам.

– Увы, я не могу вам объяснить того, о чем ничего не знаю. Вам бы лучше выяснить это у Дыкина.

– Хотя бы успокойте меня, скажите, что вы давно дружите с Гондаревым, что захотели просто отдохнуть, прогуляться в Старочеркасск, пообедать на берегу Дона...

– Успокоить? Чем же вы так взволнованны? Когда человек чист, то ему, как правило, безразлично следят за ним или нет. Конечно, неприятно, когда следят, но, чтобы так волноваться нужна причина.

– Дыкин сказал, что Миронов нанял детектива, чтобы следить за мной, потому что знает о моих отношениях с его женой, собирает материал для развода.

– Отношения с женой Миронова? Вы же жених Лиды! – Трубников закурил и предложил курить Эдуарду, который взял сигарету и поднес к ней дрожащую зажигалку.

– Это не то, о чем вы подумали. У меня нет с Евгенией отношений в интимном плане, только в финансовом. Я не хотел вам этого говорить, я никому не хотел об этом говорить,

думал, что никто кроме меня и Евгении не знает. А Дыкин мне намекнул, что Миронов в курсе, что собирает доказательства для развода. Я пришел к вам...

– Я не могу ответить на ваши вопросы. Не лучше ли вам честно рассказать обо всем Миронову? Он произвел на меня впечатление разумного человека. Он развеет все ваши сомнения.

– Он меня развеет по ветру. Вы не знаете этого разумного человека! Его все боятся!

– Я этого не заметил. А вот вы его действительно боитесь, почему?

– Я пришел, чтобы получить от вас разъяснения, а вместо этого исповедуюсь, как перед священником.

– Я не священник, я детектив, грехи отпустить не смогу, разве что выслушать. Валяйте, исповедуйтесь.

– Но я не хочу исповедаться! Я вообще атеист!

– Вы уже слишком много рассказали. Где и когда вы познакомились с Мироновым и его женой?

– На этом катере! Лида привела меня полгода назад, то есть прошлой осенью. Зимой мы не отдыхаем на катере. Лида познакомила меня с Мироновым, с Евгенией. Евгения сразу понравилась мне, между нами установились доброжелательные отношения, но мы не позволяли себе ничего. Два месяца назад ко мне обратилась Евгения, попросила помочь ей так, чтобы ее муж не знал об этом. Она же работает в его фирме на полставки сметчиком, получает зарплату. У нее были кое-какие деньги, не такие уж и большие. Ей хотелось инвестировать их, чтобы получить прибыль. Она не хотела говорить об этом мужу, меня это не удивило. Да, Миронов не беден, но Евгения из очень бедной семьи. Миронов оплачивает обучение Евгении в институте. Она, насколько я заметил, ни в чем не нуждается, но денег всегда мало.

Я спокойно отнесся к ее просьбе. Меня не удивило ее желание иметь свои средства, чтобы не только на карманные расходы. Конечно, Миронову, который привык к полному и безоговорочному подчинению, это не понравилось бы. Он бы спросил: «Зачем?» А что бы она ответила? Просто так? Чтобы от тебя не зависеть? Короче, хочется Евгении иметь свои деньги, пусть имеет, я согласился помочь ей. Она дала мне 50 тысяч рублей. Для нее это, конечно, большие деньги, наверное, несколько месяцев копила, откладывала от зарплаты. Но для инвестиций? Я знаю человека, который зашел на биржу с довольным и самоуверенным видом, имея 400 тысяч рублей. А через пятнадцать минут потерял их. Я очень боялся, что такое же произойдет и с деньгами Евгении.

У меня есть дядя – сводный брат моего отца. Дядя вхож на биржу, на Московскую тоже. Я обратился к нему. Он помог мне. Акции, которые он приобрел, уже через два месяца дали прибыль. Дядя снова продал их. Я вернул Жене уже не пятьдесят, а восемьдесят пять тысяч рублей. Она обрадовалась, забрала деньги. И, к моему удивлению, попросила у меня в долг. Я еще сам студент, родители оплачивают мое обучение. В «Свободном слове» я на внештатной основе, гонорары маленькие. Я не мог дать Жене в долг. Но предложил ей снова воспользоваться помощью моего дяди. Она отказалась, объяснив, что деньги нужны ей уже сейчас, а не через полгода. Она очень просила не говорить об этом мужу. Я обещал, что не скажу. Думал, что никто не знает.

Миронову не понравилось бы ни желание Жени иметь свои деньги тайком от него, ни моя игра на бирже. Это не в его стиле. У него всегда все просчитано намного вперед. Он терпеть не может, когда его планы разрушает случай. Если он узнает об этом, то станет плохо относиться ко мне, вообще удалит меня от своего дома, больше не пригласит на катер. На Лиду тоже перенесет негативное отношение. Я не хочу быть причиной несчастий своей невесты. Мы с Лидой собираемся пожениться. Надо было отказать Евгении еще тогда, когда она дала мне 50 тысяч. Я не мог отказать, она очень просила. Я вообще не умею говорить слово: «Нет». Из-

за этого у меня периодически появляются проблемы. А сейчас моей проблемой стало ваше появление в субботу на катере. Ваш визит носил деловой характер?

– Я не могу сказать вам этого, – улыбнулся Трубников, – я могу сказать лишь то, что вы обратились не по адресу.

На лице Эдуарда появилось разочарование:

– Я вам все рассказал!

– Не волнуйтесь, наш разговор не выйдет за стены моего кабинета.

– Но вы так и не ответили на мой вопрос. Вы были в качестве детектива?

– Я не могу разглашать дела своих клиентов. Но вы же умный человек. Надеюсь, что вы поймете, что обратились не по адресу.

Эдуард понуро пошел к двери, забыв попрощаться. Уже взявшись за ручку, обернулся и сказал жалобно:

– Не выдавайте меня!

– Если не секрет, – остановил его детектив, – какие акции приобрел ваш дядя?

– Filray и Aurora Cannabis, – ответил Эдуард, – что тоже не понравилось бы Миронову. В Канаде и Уругвае легализована марихуана. Это же легкий наркотик! Совсем легкий! У нас сейчас тоже хотят легализовать опийный мак, – лицо Эдуарда оживилось, глаза заблестели, – чтобы было отечественное обезболивающее для онкобольных. Выращивать опийный мак собираются только ФГУП, имеющие на это лицензию. Планируют выделить землю в Волгоградской и Астраханской областях. И вообще, я считаю, что давно пора снять запрет на культивирование наркосодержащих растений. Все равно выращивают, а так все будет под контролем. И что такое маковая соломка? Так! Ерунда! Марихуана это или мак? Какая разница? Деньги не пахнут. Все это такие мелочи!

– Лиха беда начало. Вы употребляете наркотики?

– Разве я похож на сумасшедшего? Нет, не употребляю. Но если акции дают скорую прибыль, то почему бы не воспользоваться случаем? Я же не для себя! Я для Евгении! Спасибо дяде! Разве было бы лучше, если бы ее деньги пропали? Как бы мне самому не пропасть! Не попасть под тяжелую руку Миронова.

– Не бойтесь, – спрятал улыбку детектив, – я вас не выдам.

– Миронов – страшный человек!

Эдуард ушел, поселив в душе Трубникова интерес к Миронову. Чем же он так страшен? И если он такой страшный, то почему сам обратился за помощью к детективу?

Трубников подошел к окну. С удивлением увидел, что к офису подъезжает старая машина Лукашова. Лукашов зашел в кабинет не сразу, сначала сделал комплименты Лене, и уже потом зашел к шефу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.